

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт теории и истории мировой культуры

Вяч. Вс. ИВАНОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО СЕМИОТИКЕ
И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Том VII

Книга 2

Из истории науки

ЗНАК
Москва
2010

УДК 009
ББК 83.3(2Рос=Рус)
И 18

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 08-04-16065

Иванов Вяч. Вс.

И 18 Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 7: Из истории науки. Кн. 2 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ин-т теории и истории мировой культуры. — М.: Знак, 2010. — 496 с., ил. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630
ISBN 978-5-9551-0470-6

Седьмой том избранных трудов Вяч. Вс. Иванова включает в себя исследования по истории науки. В первую книгу 7-го тома вошел общий курс, излагающий историю науки по новейшим данным, включающим возможности соединения реконструкций, основанных на изучении генома человека, данных о графике Палеолита и на сравнении праязыков лингвистических макросемей. Излагаются результаты исследования мегалитических сооружений типа Стоунхенджа, сводятся вместе сведения о развитии наук в странах Ближнего Востока, в частности о первой научной революции, произошедшей благодаря успехам математической астрономии в Вавилоне. Рассматриваются гипотезы о характере влияния древневосточной математики и астрономии на древнегреческую. Изучены общие истоки древнегреческих и древнеиндийских научных представлений. Характеризуются особенности передачи научных знаний в Средневековой Евразии, дается периодизация развития науки и техники за минувшее тысячелетие в свете идей Н. Д. Кондратьева, описывается движение научной мысли от Ренессанса до научно-технической революции, изучается типология и принципы диахронического эволюционного подхода в разных областях знания, синтезирующие теории и актуальные вопросы наступившего века. Детально исследуется становление Леви-Строса и других антропологов нового времени; обзревается история и состояние отдельных разделов языковедения, хеттологии и буддологии.

Во второй книге тома изучаются конкретные вопросы истории хеттской филологии и истории письма в Центральной и Восточной Азии, работа священника Я. Нецветова над русско-алеутским словарем. Специально изучены вопросы связи современного авангарда с наукой, в частности их проявления в творчестве В. Хлебникова и С. Эйзенштейна. Даны биографические характеристики отдельных ученых.

Том может представлять интерес для преподавания и изучения курсов по истории науки, истории письма, истории лингвистических учений, сравнительного языкознания, индоевропентики, хеттологии, буддологии.

ISBN 978-5-9551-0470-6

ББК 83.3

9 785955 104706 >

© Вяч. Вс. Иванов, 2010
© Знак, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга 2

Раздел IV Отдельные традиции

Древнейший индоевропейский письменный текст: надпись Анитты, царя Куссара (XVIII в. до н. э.) в истории хеттологии	9
Зачатки исследования языка у хеттов	96
Тибетская грамматическая традиция в соотношении с санскритской (опыт комментария)	123
Алеутско-русский словарь священника Я. Нецветова.	154

Раздел V Авангард и наука

Авангард и наука	353
«Доски судьбы»: проблемы времени и чисел у Хлебникова и современная наука. Памяти В. П. Григорьева.	365
Неизвестный Эйзенштейн-художник и проблемы авангарда. Озорные рисунки Эйзенштейна и «главная проблема» его искусства	384
Воскрешаемая культура	415
Наследие Е. Д. Поливанова	430

Раздел VI

Биография

Мост в будущее. Слово о М. Л. Гаспарове.....	457
Зарисовки к портрету А. А. Реформатского.....	470
А жаль того огня.....	487
I. M. Diakonoff (1914/1915—1999).....	492

Раздел IV
Отдельные традиции

ДРЕВНЕЙШИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ПИСЬМЕННЫЙ ТЕКСТ: НАДПИСЬ АНИТТЫ, ЦАРЯ КУССАРА (XVIII в. до н. э.) В ИСТОРИИ ХЕТТОЛОГИИ

Поскольку надпись Анитты является наиболее ранним текстом клинописного хеттского и всех анатолийских и вообще индоевропейских языков, она сама и история ее изучения (начиная с гениального прочтения Э. Форрера¹) за последние три четверти века представляет огром-

---

¹Эмиль Форрер (1894—1986) принадлежал к числу наиболее примечательных основателей хеттологии. После начального открытия Грозного, установившего индоевропейский характер хеттского языка и создавшего своей расшифровкой основу для прочтения его текстов, Форрер приступает к интенсивной работе над ними. Первым в 1921 г. он высказал гипотезу о хеттской языковой системе как «сестре», реконструированной раньше праиндоевропейской; эта «индо-хеттская» гипотеза стала в последние годы общепризнанной. Форрер открывает в первых своих работах [Forger 1920—1922] целый ряд представленных в клинописном архиве хеттских царей в ранней столице Богазкёе (теперь Богаз-Кале) новых языков, до того неизвестных (родственных хеттскому индоевропейских северно-анатолийского-палайского и южно-анатолийского-лувийского, а также неиндоевропейских, в частности, хаттского — древнего священного языка Хеттской империи, теперь относимого к северо-кавказским; для его изучения важна и работа Форрера о колодцах и источниках: [Forger 1938]) или тогда еще в малой степени изученных, как северо-кавказский хурритский. Крупнейшим достижением следующего периода хеттологических открытий Форрера явилось обнаружение им тождества Аххиявы хеттских текстов и исторических греков-ахейцев

ный интерес для истории науки.

Форрер не только дал исключительное по проникновению в особенности раннего пошиба древнехеттского клинописного письма прочтение основного текста. Его понимание древней Несы-Каниша как средоточия

[Fogger 1924; 1930; 1937]. Эта важная для истории всего античного мира гипотеза, долгое время не получавшая признания, теперь подтверждена в свете ряда археологических, филологических и лингвистических открытий. Затем Форрер успешно участвует в начале дешифровки иероглифического лувийского языка [Fogger 1932], делает открытия в области грамматики древнехеттских («древнекананейских») текстов (направительный седьмой падеж — *Richtungskasus* [Fogger 1928a]); их чтение остается одним из наиболее неоспоримых его достижений. В конце жизни Форрер вернулся к своей давней гипотезе о тождестве Каниша староассирийских торговцев и хеттской Несы, что после развития этой идеи Гютербоком становится общепринятым. Открытие Форрером в хеттских текстах следов страны Хайяса на Востоке Малой Азии [Fogger 1931] сыграет существенную роль во всех последующих исследованиях по ранней истории Армении. В начале 1930-х гг. он публикует заметки о связях древневосточных языков [Fogger 1930], в которых можно видеть преддверие новейших поисков в этом направлении. Для новых работ о ранних индоевропейско-западно-семитских связях важны исследования Форрера о хеттах в Палестине. Для сравнительной мифологии значительный интерес представляет предположение Форрера о хеттской формуле «пить (есть) (кровь) бога», интерпретируемой им как обряд причащения [Fogger 1940]. Однако некоторые опыты участия в расшифровке нескольких других древних письменностей потом оказываются скороспелыми, научный потенциал иссякает. Попытки устройства обычной профессорской карьеры в Европе и в США у Форрера кончаются неудачами. В его случае связь гениальности, полного неумения построить нормальную жизнь и безумия представляется разительной. Он погружается в цепь махинаций и полусумасшедших поступков, пытаясь получить поддержку то от немецких национал-социалистов, то от советской послевоенной администрации в Берлине, откуда он бежит сперва в родную Швейцарию, где ему не удается избежать лагеря и проверки его малоопрятного поведения во время войны, потом в Центральную Америку. Там он проводит конец жизни, занимаясь для обеспечения многодетной семьи поденной журналистской работой и пытаясь доказать гипотезу о ранних контактах Нового Света со Старым. Признание приходит к нему спустя много лет после смерти: [Oberheid 2007] (подробная биография с использованием архивных материалов, проясняющих некоторые эпизоды ранней истории немецкой хеттологии и последующие злоключения незадачливого Форрера); [Groddek 2004].

ранней хеттской государственности, языка и культуры предвосхитило направление научных поисков последних лет.

Следующими шагами по пути изучения надписи Анитты как исторического источника явилась специальная статья основателя хеттологии Б. Грозного [Hrozný 1929] и соответствующий раздел о надписи в обзоре ранних исторических текстов, написанном крупным хеттологом среднего поколения Гютербоком [Güterbock 1938], продолженном в труде Харди [Hardy 1941] и ряда других историков.

Последующие постепенные открытия в области хеттской палеографии, филологии и лингвистики привели к более отчетливому пониманию особенностей древнехеттской копии с ее соотношении с позднейшими фрагментарными вариантами текста. Этот период изысканий был увенчан выдающимся исследованием видного хеттолога послевоенного поколения Э. Неем в его образцовом комментированном издании памятника ([Neu 1974] = Ней).

По мере изучения древнехеттских архаических текстов возникают опыты сопоставления их с текстом Анитты главным образом по содержанию. По этому пути идет Штарке. В специальной работе [Starke 1979] он сопоставляет надпись Анитты с древнехеттским ритуалом KUB XXIX 1—3 (СТН 414). Целью сравнения является воссоздания хеттской «идеологии власти», которая должна была отразиться в обоих текстах. По лингвистическим критериям (прежде всего касающимся имени хаттского божества Трона Хальмасуит) можно усомниться в реальности и хронологической обоснованности сравнения. В работе Штарке слова Анитты и хеттских писцов осмысляются в контексте круга идей о власти, у современного исследователя понимаемой вслед за Ницше и его продолжателями.

Новый период еще более дискуссионных текстологических разысканий был начат статьей ассириолога Г. Штейнера [Steiner 1984] и рядом примыкающих к ней последующих его публикаций [Steiner 1989; 1993; 1994]. Особый интерес представляет гипотеза Штейнера, по которой в Хаттусасе (древней Хаттусе) хаттский язык оставался долгое время главным (в отличие от Несы). Социолингвистические доводы в пользу этого предположения в связи с надписью Анитты недавно привел И. Якубович, с сожалением отмечающий, что хеттологи не обратили на нее достаточного внимания [Yakubovich 2010: 224—225]. Пробуя найти выход

из замеченных или предположенных им ошибок и непоследовательных оборотов в относительно более поздних копиях надписи Анитты, Штейнер приходит к допущению, что в надписи сведены воедино три разных первоначальных текста, относимых к самому раннему периоду истории хеттов. Только первый из них, отраженный в начальной части надписи Анитты, мог принадлежать самому Анитте. Второй текст мог быть написан и другим царем. Бесспорно другому автору принадлежит третий текст, реконструированный Штейнером (все три текста воспроизведены с комментариями и дискуссией в книге Каррубы, [Caruba 2003] = Карруба). Само по себе восстановление прототипа (или, по Штейнеру и Каррубе, нескольких прототипов) текста представляется теоретически возможным (хотя и требует строгого ограничения, исключающего необузданную фантазию, превращающую хеттолога в соавтора не дошедшего до нас древнего прототекста). Но часть приводимых Штейнером доводов не выдерживает серьезной филологической критики. Некоторые из этих упущений отмечены Каррубой, который, однако, продолжает начатую Штейнером линию воссоздания более ранних («каппадокийских») текстов. Часть наблюдений Каррубы, в частности, основанных на сравнении разных версий письменных текстов с целью восстановления их общего источника, заслуживают внимания. Интересными представляются предположения Каррубы относительно эпических формул, позволяющих думать и об устной (возможно в конечном счете индоевропейской) традиции, в тексте совмещенной с более заметной письменной месопотамской. Характер производимых Штейнером и вслед за ним Каррубой реконструкций вызывает сомнения: при ограниченности наших источников для понимания древнехеттского языка и особенно его несийской предписьменной стадии опыт сочинения реконструированного прототекста представляется излишне смелым. В то же время, оправданно боясь выйти за пределы допустимого при реконструкции, Карруба часто повторяет в своих дополнениях слова и обороты сохранившихся частей надписи, тем самым лишая ее некоторых черт несомненно ей присущей неподдельной первоначальной грубости и унаследованной фольклорной живости.

Большинство многочисленных напечатанных и помещенных в Интернете вариантов переводов и комментариев основываются на издании Нея, остающемся классическим.

Предлагаемая работа включает рассмотрение разных точек зрения на текст Анитты — царя Куссара². В статье предлагается чтение восстанавливаемой архаической версии с комментированными переводами и излагаются главные спорные вопросы толкования текста с сопоставлением разных точек зрения, в частности, Нея и Каррубы, посвятивших тексту особые монографии. В основу предлагаемой версии кладется древнехеттская клинописная копия А — текст древнего пошиба (дуктуса) КВо 3.22 = транслитерация 2 ВоТУ 7 [Forrer 1922—1926], StBoT 18 ([Neu 1974] — с учетом позднехеттских копий В, как уже 2 ВоТУ 30 [Forrer 1922] и С); клинописные оригиналы даны в Приложении.

Текст древней надписи, перевод и комментарий

1.
^m*A-ni-it-ta* DUMU ^m*Pi-it-ḫa-a-na* LUGAL ^{URU} *Ku-uš-sa-ra*
Qí.Bí.MA

² Основные публикации: Ней 1974; Карруба 2003; O. Carruba. StBoT 45. 2001: 51—72; id. StMed 13. 2003; H. A. Hoffner. CoS. 2003: 182—184; id. FsKořak 2007: 391, 395; J. Klinger. TUATNF 2. 2005: 139—141; cp. G. Beckman. ANE. 2006: 216—218; V. Haas. Literatur. 2006: 28—31; F. Starke. StBoT 23. 1977: 32f., 39; G. Steiner 1984: 53—73; id. FsTÖzgüç. 1989: 471—480; id. 1. IKH. 1992: 170—185; id. FsNÖzgüç. 1993: 590; E. Badali. WO 18. 1987: 43f.; R. H. Beal. THeth 20. 1992. 143 mit Anm. 514; I. Singer. 2. IKH. 1995: 343—349; D. Yoshida. THeth 13. 1987: 59; B. J. Collins. JCS 50. 1998: 17; K. M. Reichardt. Diss. 1998: 27, 46, 55; D. Schwemer. Wettergott. 2001: 451 Anm. 3734; P. Dardano. OrNS 71. 2002: 383; H. A. Hoffner. FsPopko. 2002: 167; V. Haas. Materia. 2003: 228; E. Masson. AOAT 318. 2004: 287ff.; P. M. Goedegebuure. FsKořak. 2007: 305f.; ead. BiOr 64. 2007: 41 Anm. 8; G. B. Holland, M. Zorman. StMed 19. 2007: 68; S. Patri. StBoT 49. 2007: 90, 125; A. Kloekhorst. IEED 5. 2008: 978; G. Kryszat. AoF 35. 2008: 203f.; K. Strobel. Eothen 16. 2008: 32; Balkan 1955; B. Hrozny. ArchOr 1. 1929: 273 ff.; H. Otten. MDOG 76. 1938: 44 f.; MDOG 83. 1951: 39 ff.; R. S. Hardy. AJSL 58. 1941: 181 ff.; P. Garelli. Assyriens en Cappadoce. 1963: passim; Г. Гиорградзе. ВДИ. 1965: 87ff.; Vieyra. RPO. 1970: 467f.; Otten. in Schm. 1961: 335—336; BiOr 33:335.; ZA 69: 47—120.

«Анитта, сын Питханы, царя (города) Куссара, [обращаясь к этой своей надписи, велит ей:] скажи»³.

Хронология знаков [Neu, Rüter 1972; 1975] делает несомненным древнехеттский характер надписи в этой копии:

Древний дукт (пошиб)	Среднехеттский	Новохеттский
𐎗		𐎗 (ni)
𐎗𐎗	𐎗𐎗	𐎗𐎗 (id/it)
𐎗𐎗𐎗		𐎗𐎗𐎗 (ta/da)
𐎗𐎗𐎗𐎗		𐎗𐎗𐎗𐎗 (DUMU, TUR)
𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗		𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗 (ḫa)
𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗		𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗 (URU)
𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗		𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗 (ki = QÍ)
𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗		𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗 (ma)

Отдельные формы в первой фразе текста:

𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗 *mA-ni-it-ta* — абсолютив, ед. ч. одуш. р. (Causus Absolutus Singular? по [Neu 1974; 1979]) или звательный пад. — Vocative («говори, Анитта!», ср. перевод «Anitta, Son of Pithana, King of Kussara, speak!», *Kimball, Slocum*) [Patri 2007: 90].

𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗 *DUMU mPi-it-ḫa-a-na* ‘Сын Питханы’: 𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗𐎗 *mPi-it-ḫa-a-na* — абсолютив, ед. ч. одуш. р. — Causus Absolutus Singular (E. Neu)? Хаттское имя: сочетание *-th* для хеттского нехарактерно, но встречается в хаттских именах богов, заимствованных в хеттском, ср. хаттск. *pi-it-ḫu-ni = pithuni* [Soysal 2004]. Интересно наличие удвоенного гласного для передачи ударного и/или сдвоенного-долгого *a* в предпоследнем слоге имени; кажется возможным сравнить такое написание гласных со встречающимся в туземных именах, переданных в староассирийских текстах времени существования староассирийских колоний в Каппадокии (М. Азии), см. о форме *Tar-ḫu-u-nu* [Иванов 2008; 2010].

³ Немецкий перевод текста по Нею ([Neu 1974], в дальнейших ссылках [Ней 1974]): «Anitta, Sohn des Pithana, König von Kuššara, sprich(t):». Отличие второй половины перевода Каррубы определяется его специфическим пониманием конца первой строки, подробно разбираемого ниже: «Anitta, Sohn des Pithana, König von Kuššara. Diese die Tafeln = Anitta, figlio di Pithana, re di Cussara. Queste (sono) le tavolette» ([Carruba 2003: 19]; в дальнейших ссылках [Карруба 2003]).

Хеттское название царя и его этимология

𐎶𐎵𐎠𐎶𐎠𐎶𐎠 LUGAL^{URU} *Ku-uš-sa-ra* : LUGAL = хеттск. *ḫaššuš* ‘царь’ (ср. санскрит. *asu-ra*, авест. *Ahu-ra*), основа хеттск. *ḫaš-* ‘родить’, *ḫašš-atar* ‘род’.

Родственная этому древнехеттскому названию царя именная основа засвидетельствована в самых ранних формах древнеанатолийских языков. Встречающиеся в староассирийских текстах из Малой Азии (начало II тыс. до н. э. — за 3 века до древнехеттских текстов) древнеанатолийские имена с последним компонентом *-ḫšu-*, следующим за соединительным гласным *a-*, были разъяснены Гётце и Ларошем как означающие ‘рожденный, связанный рождением с, происходящий’ и образованные от корня *ḫaš-*⁴. Глагол *ḫaš-* ‘рождать(ся)’ (др.-хет. *ḫašš-ant-eš* ‘рожденные’) засвидетельствован в хеттском языке и в лувийском иероглифическом медиопассивном причастии *has-ami-* [Hawkins 2000: 444]. В хет. *ḫašša ḫanzašša* ‘внуки и правнуки’ разные ступени чередования гласных и сонанта в корне **Hons-* использованы для иконического обозначения разницы поколений в именах родства⁵. Соответствующее первой части хеттского выражения лувийское иероглиф. *hamsu-kalla* ‘внук’, клинопис. *ḫamšu-kkalla* (со вторым морфом, тождественным среднему морфу в др.-в.-нем. *eni-kl-in* ‘внук’ > *Enkel*) содержит лувийск. *hamsu-*, иероглиф. *ha-su* ‘(для) семьи’ (= финикийск. *šrš* ‘корням’ в двуязычной надписи из Каратепе). Родственная основа на *u-* в хеттском и в части других древних индоевропейских языков получает значение ‘царь, властитель’: хет. *ḫaššu*, др.-инд. *asu-ra*, авест. *ahu-ra*, др.-герм. рунич. *a(n)suR*. След этого значения можно видеть в словосложении *Šal-a-ḫšu* (*Ša-lá-aḫ-šu-wa*⁶, также в аналогичной форме *Ša-lá-aḫ-šu-a* в староассирийском тексте голенищевской коллекции [ГММИ 1554; Янковская 1968: № 64, стро-

⁴ [Götze 1954: 355; 1960: 48 и след.; L: 299—302; Иванов 2008: 10] (о связи с хеттским названием «царя» см. там же, а также [Yakubovich 2010: 216—217]).

⁵ [Melchert 1973; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 1: 201; Kloekhorst 2008: 219—224].

⁶ В староассирийском письме из Алишара, где речь идет о людях хабиру (*a-wi-li ḫa-pi-ti*, тип низшего социального и этнического слоя нехеттского происхождения), принадлежащих дворцу Салахсува и оказавшихся в тюрьме: OIP XX VII 5, 9—10. [Dercksen 2001: 43 и примеч. 22]; ср. [Michel 2001: 298; Garelli, Michel 1997: 147—148].

ка 16], ср. комментарии [Там же: 27, 166, 225]; сочетание тех же трех топонимов (Салахсуа, Лухусатии и Хурамы) выступает и в староассирийском тексте: *A-NA Lu-ḫu-za-ti-a Ḫu-ra-ma* 34) *Ša-lá-aḫ-šū-a* АТНЕ 62б 33—34(86—89).

В качестве главного слова (хозяина) при предыдущем прилагательном последующее *ḫšūwa* могло еще сохранять связь со словом *ḫaššū* «царь». Сочетание *Ša-lá-aḫ-šū-(w)a* сходно с древнехеттским названием города *Šalaḫaššūwa* (в рассказе о походах Хаттусилиса I), которое можно перевести как «Велико-царское», ср. в рассматриваемой нами древнехеттской надписи царя Анитты (строка 52 ниже) топоним ^{URU} *Sa-la-ti-wa-ra* < **sal-a-tiw-ar-*: (хет. и лувийск.?) *šall-(i)-* ‘царский, великий’ + *-a* < **-o* + лув. *Tiwar-* < **tiw-at-* ‘бог солнца’⁷ = хет. *šiwat-* ‘день’. Исходное словосочетание для топонима *Šal-a-ḫaššūwa* можно реконструировать на основе хет. *sall-(i)-+ ḫašš-atar* ‘царский род’ (ср. аналогичное по семантике сочетание прилагательного *sall-(i)-* ‘царский, великий’ и соответствующих иероглифической и клинописной логограмм со словами *peda-* ‘место’, *waštai-* ‘грех’, *ḫuššeli* ‘отхожее место’ откуда с этим прилагательным значения ‘трон’, ‘смерть царя’, ‘царская уборная’ [Иванов 2001: 211]). В староассирийских текстах встречаются и другие топонимы с тем же последним словом: *Ḫa-ra-aḫ-šū-a* [Kennedy, Garelli 1960: 5—8], соответствующее древнехеттскому *Ḫar-a-ḫaššūwa*⁸. Имя города *Ḫaššūwa* известно не только в древнехеттских текстах, но и в эблаитских⁹, где может считаться одним из самых ранних свидетельств

⁷ Об этой лувийской основе и родственной ей формам в личных именах туземцев Несеы эпохи староассирийских торговых колоний см. [Yakubovich 2010: 35 (с несколько иной интерпретацией), 210—212].

⁸ Основанное на приведенных сопоставлениях возможное истолкование этих словосложений как обозначающих «Орла-Царя» могло бы найти подтверждение в предположении Штарке, по которому происходящее от этого названия «орла» позднейшее ликийское *Xerqi* как имя царской династии ставится в связь с изображением орла как символа: [Starke 1987: 265, fn. 80; Kloerhorst 2008: 301—302]. В царском ритуале KUB XXIX, сопоставленном Штарке с надписью Анитты, царскую власть и ее эмблемы орел приносит из-за моря.

⁹ [Tänberg 1994: 54, 70]. В эблаитском выражении ^DBE *Ḫa-šū-wa-an^{KI}* (ТМ 70 75. G.1560 v.VI 14 VI 3) сокращение-логограмма BE (*bēlum* ‘господин’) может обозначать если не бога грозы [Pomponio, Xella 1997: 97], то божество Dagan

присутствия индоевропейцев-анатолийцев на Ближнем Востоке. Личное несоставное имя *Ha-šu-wa/i-* в староассирийских текстах¹⁰ может восходить непосредственно к той же основе.

Хеттские производные от этого корня с суффиксом *-u-*, как и индоиранские и германские, отличаются от лувийских и от древнеанатолийских личных имен (но не топонимов) семантическим развитием ‘род, семья’ > *‘предводитель рода’ > ‘царь’¹¹ (типологически сходно с др.-англ. *cyning* ‘король’, *sun* ‘род’, др.-в.-нем. *kuning* ‘король’). В то же время в них (как и в родственных лувийских формах) нет редукции корневого гласного, характерного для всех личных древнеанатолийских сложных имен в староассирийских текстах. Но в хеттском языке сохранилось древнее сложное слово с редукцией корня в сходном словосложении. Хет. *antuḫša-* ‘человек’ представляет собой архаическое словосложение, первая часть которого *antu-* встречается в древнехеттских текстах¹² (в том числе и в славословиях царю, известных и в хаттских вариантах) с вероятным значением ‘народ, люди’ (ср. сходное начало в микен. греч. *a-to-ro-go*, др.-греч. *ἄθροπος* и вероятные средиземноморско-африканские ареальные параллели в языках банту [**wa-ntu-*] [Иванов 2001: 239]; в отличие от древнеанатолийских сложений и от ареальных аналогий в греческом отсутствует конечное *-u*). Кажется возможным предположение о том, что в этом хеттском слове отразились такие особенности древних сложений с данным корнем, которыми объясняется структура древнеанатолийских личных сложных имен. В этом случае их надо отнести к диалекту, близкородственному хеттскому, хотя (судя по семантике основы) от него и отличающемуся.

индоевропейского (анатолийского) происхождения [Singer 2000; Иванов 2004б]: «Бог Даган города Хассува».

¹⁰ [L: 64, № 331; Garelli, Michel 1997: 217; Larsen 2002: 225, № 168, 15’; D: 157—158, 165].

¹¹ Эта семантическая инновация отличает (северно-) анатолийский от группы диалектов (индо-иранских и кельто-италийских), образовавших название царя от основы *reg’, и от названия власти и ее носителя в тохарских и древнеевропейских (западно-индоевропейских и балто-славянских) языках от основы **wel-dh-*. Языковые свидетельства позволяют, следовательно, предположить наличие нескольких обособившихся друг от друга групп носителей диалектов праязыка вскоре после его распада.

¹² См. указание текстов: [Friedrich, Kammenhuber 1975—: Bd. I].